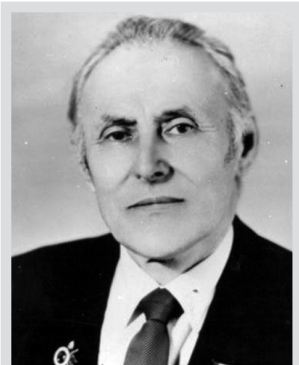

УДК 316

Левые идеологии в современной России: проблемы становления

Нугаев М.А.

Доктор философских наук,
профессор, главный научный сотрудник
Центра перспективных экономических исследований АН РТ

Нугаев Р.М.

Доктор философских наук, профессор, преподаватель кафедры
социально-экономических и гуманитарных наук Поволжской
академии физической культуры, спорта и туризма

Утверждается, что для построения современной теории идеологии необходимо значительное расширение теоретико-методологической основы исследования. Одним из элементов, выпадающих из традиционных марксистских схем и препятствующих созданию адекватной теории, является понятие «социального бессознательного». Показано, что наиболее полно синтез марксизма, психоанализа и структурализма осуществлен С. Жижеком, утверждающим, что важнейшая функция идеологии – раскрытие социальных противоречий. Полное раскрытие противоречий российского социума возможно именно в рамках левых идеологий, ориентирующихся на идеи социальной справедливости. Именно эти идеологии способны раскрыть основной антагонизм российского общественного сознания – между имперскими амбициями, интересами чиновничества в целом и интересами медленно вызревающего гражданского общества.

Ключевые слова: идеология, психоанализ, постструктурализм, С. Жижек, социальные антагонизмы.

Ситуация, сложившаяся в современной России, иногда характеризуется экспертами как «катастрофическая», а само общество – как социум, часть которого необратимо утрачивает основополагающие нравственные ориентиры, базисные духовные ценности, духовно деградирует. Одна из причин – пост-советское разрушение традиций, отторжение «святынь» исторического прошлого, сопровождаемое утверждением принципов прагматизма, потребительства, «этнического эгоизма». В итоге даже по уровню «бытового хамства», агрессивности и ненависти к себе подобным Россия – в мировых лидерах.

Для российского населения переход к рыночной системе отношений, углубляющееся экономическое расслоение населения по имущественному признаку, безудержное распространение принципов эко-

номической целесообразности на все сферы жизни, и, прежде всего, на сферу культуры, коммерциализация искусства, науки и образования означают трансформацию «нравственно-культурного кода», разрушение ценностных установок, угрозу потери национально-культурной идентичности.

Но, как отмечает в статье в английской газете «Telegraph» английский экономист Роджер Батл, даже «капитализм может процветать только тогда, когда у него есть границы. Бизнес должен действовать в этическом контексте. Конечно, капитализм – это самый эффективный способ организовать производство и распределение, но он не способен служить клеем, скрепляющим общество... На Западе многие недооценивают ущерб, который нанес крах СССР народу – и особенно общественному

сознанию... В результате рухнули не только формальные общественные институты, но и морально-нравственные конвенции, на которых держится нормальное общество» [1].

Заключительным аккордом нарастания нравственно-духовного кризиса стало придание ему официального статуса Президентом РФ, зафиксировавшим «дефицит духовных скреп» в обществе, «дефицит того, что во все времена делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились».

Но конструирование «духовных скреп», выработка общественной идеологии – это, с одной стороны, результат широкого и длительного общественного дискурса с привлечением представителей всех влиятельных партий и общественных движений, итог социального консенсуса, «общественного договора», а с другой стороны – это плод социологических исследований, тщательных «замеров», многочисленных «срезов» массового сознания. И мы не можем утверждать, что находимся в конце этого пути.

Пока же в российском социуме налицо – значительный разбой мнений, отражающий лишь факт наличия в обществе разных социальных слоев и групп с различными социальными интересами и объективными противоречиями между ними, а также отражающими эти противоречия конкурирующими идеологиями. Но для того, чтобы эти интересы можно было успешно согласовать друг с другом в отечественном парламенте – государственной думе – необходима определенная общая идейная платформа – общий *нейтральный* по отношению к конкурирующим идеологиям теоретический язык, на котором разнообразные интересы должны быть выражены и сопоставлены друг с другом.

Какими же должны быть более детальные контуры отечественного Идеологического Проекта? Если мы обратимся к имеющимся исследовательским разработкам, мы убедимся, что, несмотря на проделанную работу, отечественные исследования проблемы идеологии характеризуются определенными *изъянами*, основой которых является недостаточная аналитическая, концептуальная проработка проблемы идеологии; «зацикленность» исследователей, несмотря на неоднократные заявления, на классическом марксистском подходе, пытающемся усмотреть корни идеологии только в защите интересов доминирующих классов и слоев. *Поэтому для построения адекватной современности теории идеологии необходимо прежде всего расширение теоретико-методологической основы решения проблемы.* Судя по всему, классический марксизм с его классовым подходом слишком упрощает, огрубляет гораздо более тонкие, сложные механизмы взаимосвязи социально-экономических факторов и социально-политических факторов с общественным сознанием.

Следовательно, для построения адекватной современности теории идеологии надо попытаться

сначала переосмыслить эволюцию самого этого понятия в общественных науках для того, чтобы ответить на следующий вопрос: какие *содержательные* особенности идеологических процессов упускает классическая (ортодоксальная) марксистская схема?

Понятие «идеология» имеет в истории общественных наук трудную судьбу. Начиная с «Элементов идеологии» Антуана Дестют де Траси и принадлежащей классикам марксизма «Немецкой идеологии», споры вокруг содержания, структуры и функций этого понятия не прекращаются. Тезис «конца идеологии» то провозглашается, то снова отодвигается в сторону под напором данных, свидетельствующих о возникновении очередного массового общественного движения.

Но и в наши дни, каким бы интенсивным ни было воздействие социально-экономических и социально-политических факторов, их учет для объяснения определенных реальных социальных процессов, имеющих место в современном обществе, оказывается явно недостаточным. Например, для объяснения т.н. «механизмов торможения» отечественных реформ необходимо привлекать социокультурные явления, иногда (и не всегда удачно) обозначаемые такими терминами как «менталитет», «региональная культура», «национальные традиции», «особенности групповой психологии» и т.д. Или: как, например, объяснить генезис ряда современных украинских событий, категорический отказ от экономической и политической стабильности, гарантированной пусть и вороватым, но все же законно избранным президентом Януковичем, в пользу весьма и весьма неопределенных европейских перспектив киевского майдана? (Если, конечно, не принимать во внимание разнообразные варианты «теории заговора», с энтузиазмом фундируемые некоторыми электронными СМИ).

Кроме того, столь же малопонятны и плохо объяснимы и межэтнические конфликты, число и интенсивность которых стремительно нарастает, вездесущность бацилл коррупции, разъедающих политическую систему на всех ее уровнях, взрывы экстремизма – с одной стороны, и неуклонно растущий уровень молодежного инфантилизма – с другой.

В этих и других случаях исследователю приходится допускать наличие некоего интенсивного, но неявного, скрытого, иррационального, постоянно ускользающего от внимания фактора, воздействующего на протекающие процессы. Если где-то «не работает» сознание, бессильны рациональные объяснения, апелляции к ясно осознаваемым групповым и классовым интересам, то там, вероятно, «включаются» иррациональные факторы, индивидуальное и коллективное *бессознательное*. (Правда, еще Зигмунд Фрейд справедливо сетовал на то, что бессознательное превращается в своего рода свалку, куда исследователями помещаются все непонятные и непознанные явления).

И действительно, если в периоды социальной стабильности, как метко замечает Энтони Гидденс, [2] рациональные компоненты вытесняют, благодаря «процессам повседневности», иррациональные импульсы на обочину обыденного сознания, загоняют их «вглубь», то в ситуации социального кризиса коллективное бессознательное неизбежно «выплывает» из глубин подсознания, становясь значимым фактором социальной активности, которым пренебрегать уже нельзя. Перефразируя Маркса, можно сказать, что, «всплывая из глубин подсознания» и овладевая массами, коллективные предрассудки, страхи (фобии) и стадные инстинкты становятся могучей «материальной силой», способной снести нетвердые опоры многих текущих политических режимов.

Теоретическая социология, благодаря классическому позитивистскому наследию XIX в. (века т.н. «научного разума»), на протяжении первой половины XX в. особого интереса к категории бессознательного не проявляла. Бессознательное было, как правило, предметом ряда умозрительных философских спекуляций – сначала у таких последовательных и бескомпромиссных критиков гегелевского рационализма, как Серен Кьеркегор и Артур Шопенгауэр, а затем – у Фридриха Ницше и Николая Гартмана. Оно безуспешно привлекалось к решению проблем философской антропологии, свободы воли и ответственности человека, или даже проблем гносеологии, но в качестве постоянно действующего *социального* фактора практически не рассматривалось.

Однако определенные события, а затем и отражавшие их теоретические тенденции XX – начала XXI вв. неизбежно несли с собой пересмотр прежних позиций. Первый приходящий в голову пример – зарождение фашизма, рассмотренное в классической монографии ученика Фрейда Вильгельма Райха [3]. С точки зрения Райха, фашизм – характеристика не национальных особенностей и не идеология какого-либо класса, но «сумма иррациональных реакций ... среднего человека» [3, с. 22] в основе которых находятся подавленные (садистские) инстинкты обывателей, всплывшие в условиях экономического кризиса на поверхность.

Другой пример – известные в теоретической социологии дискуссии по поводу соотношения обществ «модерна» и «постмодерна» (скажем, полемика Мишеля Фуко и Юргена Хабермаса), во все большей мере вводившие понятие бессознательного в научный оборот [4]. Действительно, наиболее бросающиеся в глаза, очевидные ментальные установки общества модерна – «ясность», «понятность», «прозрачность», «рефлексивность». Но уже для общества постмодерна это – «неопределенность», «фрагментарность», отказ от вечных, неизменных ценностей, неустойчивость, амбивалентность коллективных представлений.

С другой стороны, как следствие элиминации казавшегося незыблемым противостояния западного (НАТО) и восточного (Варшавский договор) блоков и робкого преодоления последствий «холодной войны», современное общество и культура все более и более начинают жить местными тенденциями и замкнутыми региональными консервативными микроидеологиями, которые, тем не менее, во многом сохраняют массовый и принудительный характер. Социальное бессознательное обнаруживается в нашей жизни в таких явлениях как неизменяемое стереотипное воспроизводство норм, массовое поведение, алгоритмы мышления, символы и, наконец, групповые идеологии.

В отличие от сына позитивистского XIX в. Зигмунда Фрейда, раскрывшего закономерности функционирования «индивидуального бессознательного», заслуга открытия «коллективного бессознательного» принадлежит Карлу Юнгу. Это понятие первоначально предполагало психологическую предрасположенность людей, получивших воспитание и образование в рамках одной и той же культуры, сходным образом реагировать на сходные жизненные ситуации [5].

«Многочисленность такого рода случаев просто обязывает нас признать существование некоего коллективного психического субстрата. Я назвал его коллективным бессознательным» [6, с. 86].

Это свойство первоначально иллюстрировалось Юнгом ссылками на сновидения чистокровных негров, в которых повторяются образы, встречающиеся в культурах, с которыми негры никак не контактировали. Бессознательное действует инстинктивно и управляется инстинктивными тенденциями, которые выражены в т.н. «архетипах». Они иногда рассматриваются как определенные мифологические образы или мотивы. Но это не совсем так. Архетип является не мотивом, а скорее «тенденцией к образованию» таких представлений мотива, которые могут изменяться в деталях, не утрачивая своего «ядра».

Инстинктивные тенденции, выраженные в архетипах, обладают собственной побудительной энергией. Они «приходят и ведут себя как им заблагорассудится», изменяя наши сознательные намерения. Но если личностные комплексы обуславливают особенности только одного человека, то архетипы создают религии и мифы, относящиеся к *этносам* и *нациям*. Во фрейдовской психологии личностные комплексы рассматриваются как компенсации за дефектные установки сознания. Аналогично, функционирование мифов можно трактовать как разновидность ментальной терапии – как для отдельных народов, так и для всего человечества в целом. Ради поддержания своей веры современный индивид расплачивается «поражительным отсутствием самонаблюдения». Он не хочет отдавать себе отчет в том, что, несмотря на хваленую «рациональность», на са-

мом деле он одержим демонами, находящимися *вне* его контроля. Его «боги и демоны» не исчезли, они всего-навсего обрели новые имена: не «дьяволы», «ведьмы», «инкунабулы», «лешие» и «домовые», а «эксплуататоры-кровососы», «вездесущая рука госдепа», «рыцари плаща и кинжала», «очкастые интеллигентшики с бороденками», «пятая колонна» и т.д. И они продолжают доминировать в нашем сознании, вызывая беспокойство, непонимание, психологические сложности и неврозы.

До тех пор, пока индивид не научится контролировать свои настроения и те каналы, по которым бессознательные факторы проникают в его решения, хозяином самого себя он не будет.

Тем не менее, предложенное самим Юнгом объяснение генезиса и функционирования «архетипов» слишком сильно отдавало мистицизмом. (Чего стоят, например, его утверждения о мгновенном взаимодействии между сознаниями отдельных индивидов, которые могут находиться на расстоянии сотен и тысяч километров друг от друга).

Поэтому анализ социального бессознательного продолжил, после фроммовских (умозрительных) и маркузианских (более содержательных) попыток скрестить психоанализ с марксизмом, французский психоаналитик Жак Лакан. Ему и принадлежит ставший ныне общеизвестным тезис о том, что «бессознательное структурировано как язык» [7]. Находясь первоначально в русле классической французской социологической традиции, заложенной еще Эмилем Дюркгеймом, он учел социальную природу бессознательного за счет удачного синтеза классического психоанализа со структурализмом.

По Лакану, для того, чтобы объяснить то, что происходит в душе человека, недостаточно ограничиться границами индивидуальной психики. Собственно человеческое вносится в человека извне – контекстом интерсубъективной ситуации, «внешнего» окружения, культуры, но сначала – структурой отношений с ухаживающими за ребенком взрослыми. То, каким образом социальные отношения становятся тонкой «материей» психики, и выявил Лакан, рассматривая теорию Фрейда через призму структурной лингвистики и структурной антропологии [8-10].

В отличие от животного, человек «не знает чего ему хотеть». Основной задачей пространства культуры и становится смысловое структурирование внутреннего мира индивида, формирование соответствующих социальному порядку структуры человеческих желаний и ценностей. Но культура дана человеку не сама по себе. Субъекту она предстает в отношениях людей. Смысловые структуры культуры не принадлежат объективной реальности. Свои желания ребенок находит в Другом [11].

Реализовавший семиотическое прочтение работ Фрейда Жак Лакан соединил «слово и сексуаль-

ность» и продемонстрировал их внутреннее единство. По Лакану, человек – это существо желающее. Но его желание обладает не природной, биологической, а культурно-исторической, социальной основой: «желание детерминировано интерсубъективным пространством, имеющим знаковую природу».

Понятно, почему именно лакановская версия психоанализа была положена в основу получившего широкую известность пост – марксистского исследования общественной идеологии, проделанного современным словенским философом, социологом и психоаналитиком Славо Жижеком [12-17]. Его вклад в теорию идеологии состоит, прежде всего, в описании структурных механизмов, производящих «субъекта идеологии». Для этого сначала он использует механизмы классического психоанализа во фрейдистском варианте, а затем принимает во внимание те изменения, которые вносят его реформаторы (прежде всего, в лице Лакана). Дальнейшее изучение и развитие концепции Жака Лакана позволило пролить дополнительный свет на механизм структурирования действительности идеологическим фантазмом.

Специфика устройства этого механизма и обуславливает общественную идеологию. Идеология в современной интерпретации – это не призрачная иллюзия, возводимая для бегства от социальной действительности, а прочная опора для действительности. Она маскирует «невыносимую сущность», «травматическое социальное подразделение, не поддающееся символизации». С точки зрения современной социальной науки, любая идентификация, наделяющая нас устойчивой социально-символической идентичностью, в конечном счете обречена на провал [18]. Функция идеологического фантазма – скрыть эту неполноту. Идеологический фантазм предназначен для того, чтобы завуалировать тот социальный факт, что «общества не существует». Современное общество навсегда расщеплено антагонистическими расколами, а последние не могут быть гармонично объединены единой, самосогласованной символической системой.

Но для этого и необходим идеологический фантазм, чтобы создать такое видение жизни, в котором «общество существует как единое целое» с органическими и взаимосогласованными отношениями между частями. Образ общества как единого целого является «фундаментальным идеологическим фантазмом», маскирующим целую бездну антагонизмов.

Идеология – это убеждение, содержание которого не совпадает с истинными побудительными причинами. Она защищает человека от него самого, продуцируя знание о себе и окружающем мире. Основная функция идеологии состоит не в том, чтобы ускользнуть от действительности, а в том, чтобы представить саму социальную действительность как укрытие от травматической, реальной сущности.

Поэтому утопический момент с необходимостью присутствует во всякой идеологии. Идеология – это форма определенного фантазма, выражающего действительные социальные ожидания, цели и намерения большинства. Было бы поспешным и ошибочным осуждать эти стремления и намерения как некую «тоталитарную фантазию». Отнюдь не в них – корни тоталитаризма. Идеологическими эти стремления делает их искажение, «выпячивание», те коварные и грязные приемчики, при помощи которых они становятся обоснованием, оправданием господства одного класса, нации, этноса, группы над другими. Правда, для того чтобы быть эффективной, для того, чтобы успешно охватить общественное большинство, правящая идеология должна включать ряд черт, в которых это большинство сможет без труда распознать свои *действительные* стремления. Или, в терминах современной французской левой социологии (Лакло, Муффа), всякая «гегемонистская всеобщность» должна включать, по крайней мере, два особенных содержания – по-настоящему народное содержание, а также его искажение отношениями господства и эксплуатации.

В итоге социальная функция идеологии состоит не в предоставлении в наше распоряжение очередного наркотика для бегства от реальности. Идеология – это «матрица» [19], которая регулирует отношения между видимым и невидимым и управляет «производством смысла» в данных конкретно-исторических условиях. Идеология – это процесс производства и воспроизводства практик, основная функция которого – производство и легитимация отношений господства-подчинения.

Итак, суть современного, «психоаналитического» по своей сути подхода к идеологии состоит в том, что ее истоки коренятся не в грубых материальных интересах господствующих классов и общественных групп, и не в коварных замыслах их идеологов, отражающих эти интересы, а в массовом общественном (под) сознании, в головах обычных средних людей, в психозах, фобиях, страхах, предвзвесах «молчаливого большинства». Классовыми эти коллективные фобии и неврозы делает выпячивание, раздувание (или замалчивание) их определенных черт в интересах заинтересованных в этом классов и социальных групп. Поэтому эмпирической базой исследований по общественной идеологии должны являться замеры коллективного бессознательного.

За каждой конкретной идеологической концепцией стоят тщательно скрываемые ей социальные противоречия, социальные антагонизмы, которые и должны раскрываться т.н. «критикой идеологии». В силу того, что способы маскировки антагонизмов связаны с интересами доминирующих в обществе классов и социальных групп (капиталистов, мачистов, феминисток, шовинистов, группы сексуаль-

ных меньшинств, национальных экстремистов), *адекватное раскрытие противоречий возможно только в рамках левых идеологий, которые ориентируются на идеи социальной справедливости, социального равенства всех социальных слоев и общественных движений.*

И уже имеющиеся социологические данные позволяют этот тезис подтвердить. В частности, одним из важных для нас результатов являются итоги замера общественного мнения, опубликованные в 2013–2014 гг. в открытой печати. Типичный пример – данные опроса граждан жителей России, проведенные Левада-центром в конце 2013 г.

Согласно этому опросу, *в Российской Федерации большинство (34 %) опрошенных граждан считают «социалистические и социал-демократические взгляды», при которых общество обладает социальной поддержкой в условиях рыночной экономики, наиболее подходящими для страны.*

Таким образом, и приведенные выше, и другие «замеры» общественного мнения, убедительно свидетельствуют о том, что искомая общественная идеология должна быть «левой», ориентированной на идеалы социального равенства и социальной справедливости.

Но Главный Антагонизм российского общественного сознания – не между трудом и капиталом, мужчинами и женщинами, ветеранами и молодежью, людьми с традиционными и нетрадиционными сексуальными ориентациями, представителями государственно-образующей нации и представителями этнических меньшинств, а между Имперскими Амбициями, интересами сверх-влиятельной администрации и всего чиновничества в целом и интересами медленно вызревающего Гражданского Общества.

Политизация государственной бюрократии всегда в российской истории представляла как стремление к возможно большей монополизации чиновничеством власти и кристаллизация способности самостоятельно вырабатывать политические решения, исходя из интересов не всего общества как целого, а из интересов самой бюрократической организации, обязательно включающих корыстные, материальные интересы. Ведь политические институты отечественного гражданского общества, способные служить необходимым противовесом, всегда были и остаются традиционно незрелыми. Но только в пост-советской России закономерный процесс демонополизации государственной собственности оказался полностью в руках административно-управленческого аппарата; бюрократия явилась подлинным творцом «рыночных отношений». Это и привело к утверждению «бюрократического капитализма», атрибутом которого стало *срачивание* государственно-партийной номенклатуры с узким слоем частных собственников, создание номенклатурно-олигархических кланов.

Соответственно, описанное противоречие между государственной бюрократией и гражданским обществом, в силу сращивания государственной бюрократии и верхушки предпринимательства, их классовых экономических интересов неизбежно приводит к *обострению* и других принципиально важных противоречий российского общества, приобретая статус главного антагонизма российской общественной жизни.

Но идеологии самых массовых левых российских партий – как КПРФ, так и «Справедливой России», как и всей современной социал-демократии, слишком часто скользят «по верхам», фиксируя частные противоречия, но намеренно или неосознанно игнорируя противоречие основное. Более того, два важнейших недостатка идеологии КПРФ – «заигрывание» с Русской Идеей и с религиозной (православной) идеологией.

С другой стороны, идеологическая политика «Справедливой России» носит во многом декларативный характер; на деле – серия постоянных и порой беспринципных компромиссов с государством. Кроме того, инициатива С. Миронова по созданию массовой социал-демократической партии слабо связана с движением к действительному социализму. В самом деле, создание новой социал-демократической партии было призвано повысить степень управляемости достаточно искусственно созданной политической системы за счет снижения социальной напряженности и эффективного раскола социальной базы оппозиции (и прежде всего КПРФ). Но автоматический перенос на российскую почву конкретных программных положений европейской социал-демократии не имеет достаточно надежных перспектив в ближайшем будущем в силу следующих очевидных обстоятельств. Во-первых, в социальной структуре российского общества фактически отсутствует т.н. «средний класс», являющийся опорой современной социал-демократии.

Далее, в системе наиболее распространенных российских социально-политических ценностей ценности социал-демократии находятся явно не на первом месте. В зачаточном состоянии находятся и все основные союзники социал-демократического движения: независимые от государства и от работодателей профсоюзы, влиятельные оппозиционные СМИ, разнообразные, прежде всего, правозащитные организации гражданского общества, дееспособные и самостоятельные органы местного самоуправления.

Тем не менее, несмотря на то, что современная общественная идеология, адекватная запросам российского социума, еще до конца не сформировалась, неуклонное движение в направлении ее создания имеет такое общественное значение, которое трудно переоценить. Неудачи в построении советского варианта социализма еще не означают, что вместе

с водой – разнообразными социалистическими проектами революционного переустройства общества – надо выбросить и ребенка – саму идею рационального преобразования общества, сами ценности и идеалы человеческого счастья и социальной справедливости. Эгоистическому, животному началу в человеке должна быть противопоставлена сила общественной солидарности и подлинного гуманизма, вводящая это начало в цивилизованное русло. Именно потому, что социальная справедливость является извечной человеческой ценностью, борьба за ее сохранение и поддержание на должном уровне, против всех форм насилия и эксплуатации является неотъемлемой чертой всего человеческого общества вообще. Несмотря на приложенные усилия, адекватная современным условиям левая идеология еще только создается в работах отечественных социологов и политологов. Она совсем необязательно должна быть партийной; но то, что обязательно нужно – создание критических общественных настроений. Необходимо ясное понимание обществом того, что идеология – опасный зверь, который должен всегда находиться в клетке общественного контроля. В противном случае она может превратиться в беспощадного монстра, пожирающего граждан своей же собственной страны. Действительно глубокие социальные антагонизмы радикально разрешить – за счет уничтожения одной из сторон противоречия – невозможно. Социум должен эффективно управлять процессом гармоничного сосуществования сторон этого антагонизма, для того, чтобы они не элиминировали друг друга. Это – главная задача критики идеологии, впавшей в процесс поддержания социальной справедливости, т.е. элиминации такой ситуации, когда различные социальные движения, воплощающие разные стороны социальных антагонизмов, пытаются в социуме доминировать и навязывать свои ценности, как единственно возможные, всему обществу.

Литература:

1. Bootle R. No one wants Russia to implode but optimists have their work cut out // The Telegraph, 2013. – URL: <http://www.telegraph.co.uk/finance/comment/rogerbootle/10471423/No-one-wants-Russia-to-implode-but-optimists-have-their-work-cut-out.html>
2. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
3. Райх В. Психология масс и фашизм. – М.: Изд-во АСТ. – 2005. – 539 с.

4. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. 2-е изд., испр. – М.: Весь Мир, 2008. – 416 с.
5. Сикевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А. Социальное бессознательное. – СПб.: Питер, 2005. – 268 с.
6. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2005. – 400 с.
7. Lacan J. The four fundamental concepts of psychoanalysis. Harmondsworth. Penguin Books, 1977. – 290 p.
8. Лакан Ж. Семинары. Образования бессознательного (1957-1958). Кн. 5. – М.: ИТДГК «Гнозис», Изд-во «Логос», 2002. – 608 с.
9. Лакан Ж. Семинары. Четыре основные понятия психоанализа (1964). Кн. 11. – М.: ИТДГК «Гнозис», Изд-во «Логос», 2004. – 304 с.
10. Лакан Ж. Имена-отца. – М.: ИТДГК «Гнозис», Изд-во «Логос», 2006. – 160 с.
11. Lacan J. (2001). The mirror-phase as Formative of the Function of the I. – In: Slavoj Žizek (ed.) Mapping Ideology. – London, Verso, 1994. – 253 p.
12. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Художественный журнал. – 1999. – 236 с.
13. Жижек С. Уходя от логики капитализма // Интеллектуальный Форум. – № 2, август. – 2000. – С. 30-51.
14. Жижек С. 13 опытов о Ленине. – М.: Ад Маргинем, 2003. – 260 с.
15. Жижек С. То, что вы всегда хотели знать о Лакане (но боялись спросить у Хичкока) / Пер. с англ., слов. – М.: Изд-во «Логос», 2004. – 336 с.
16. Жижек С. Ирак: история про чайник. – М.: Праксис, 2004. – 224 с.
17. Жижек С. Интерпассивность или как наслаждаться посредством другого. – СПб.: Алетейя, 2005. – 156 с.
18. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. – London : Verso, 1985. – 197 p.
19. Jameson F. Postmodernism and the market. – In: S. Žizek (ed.) Mapping Ideology. L. , Verso, 2001.

Left Ideologies in Contemporary Russia: Problems of Formation

M.A. Nugaev

The center of perspective economic researches of Academy of sciences RT

R.M. Nugaev

Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism

It is stated that formation of modern theory of ideology requires considerable widening of theoretical and methodological basis of research. The notion of “social unconscious” is one of the elements which is out of traditional Marxist schemes and which prevents creation of adequate theory. The synthesis of Marxism, psychoanalysis and structuralism was achieved by S. Žižek, who stated that the main function of ideology consists in revealing of social controversies. Full coverage of Russian social controversies seems possible in the framework of left ideologies oriented at the ideas of social justice. Antagonism of Russian social consciousness that lies in imperial ambitions, officialdom interests and interests of gradually forming civil society could be revealed but by these ideologies.

Key words: ideology, psychoanalysis, post-structuralism, S. Žižek, social antagonisms.

